

Разлука

Яреци Фернандез

Путь до автобусной остановки прошел безмятежно и легко. Она слушала про еду Японии, понимала, что ее представления о жизни этой нации слишком скудные, и что-то запоминала. Ей было интересно слушать его голос. Но она не лезла в его прошлое, хоть очень и хотелось... А потом они пришли на автобусную остановку. И стало грустно...

Автобус казался сонным. Он медленно ехал, трещал, разваливался и «кашлял», что было неудивительно – это был первый автобус, вышедший на рейс в новый день. Дни сменяли друг друга, проходили недели, месяцы, года, а всё оставалось как прежде. Автобус «просыпался», забирал в салон людей и вёз их в Лхасу, где пассажиры рассосутся по своим рабочим делам. Кто встанет у станка, кто пойдёт в офис, кто будет работать в колл-центре и отвечать на звонки клиентов. Но а пока все спали, ну или делали вид, что спали.

Яреци сидела у окна, прислонившись к стеклу головой. Её печальный взгляд был обращён на гравий дороги, по которой ехал первый автобус. Она могла хоть немного поспать, но, закрывая глаза, она сразу хотела проснуться. Ей казалось, что должно что-то произойти. Что не надо ей было покупать новый билет, она бы всё равно договорилась с приёмной комиссией, и её бы приняли. Папа уже заплатил деньги, и не зачислить её не могли. А вдруг папа ей сказал неправду? Но зачем ему обманывать её? Нет, это просто человеческий фактор – институт забыл ей своевременно послать письмо со временем сдачи собеседования, а она забыла прочитать письмо раньше. И если бы она прочитала письмо в тот день, когда оно было отправлена, она бы сейчас не переживала так сильно. Но разве могла она знать об этом? Она ведь совершенно случайно посмотрела почту.

Она перевела взгляд на папку с рисунками, которая лежала у неё на коленях, и подумала, что попробует в самолёте нарисовать чей-то портрет, а этот вообще никому не показывать. Он был для неё слишком личным. Вот только почему-то не прибавилось уверенности, что она сможет что-то нарисовать.

Вскоре пейзаж изменился. Автобус въехал в город, повернул налево и поехал по широкой дороге. Проезжавшие мимо редкие машины давали понять, что скоро всё закончится. Автобус приедет на центральный вокзал, они выйдут, переседадут на другой автобус и поедут в аэропорт. Ещё сорок минут. В груди закололо, и девушка глубоко вздохнула. Какое-то странное чувство не давало ей успокоиться, но она не могла понять, что это. Страх перед неизвестностью? Или что-то другое?

Автобус остановился, и они вышли. Пересели на другой автобус, который должен был отвезти их в аэропорт. Девушка вздрогнула, когда двери закрылись. Всё, назад пути точно нет. И денег тоже нет. Это пугало. Хотя деньги ей не понадобятся в ближайшее время, она же будет в самолётах, а дома, в Москве, её встретят. Она хотела увидеться с родителями, она по ним соскучилась, но в то же время она боялась, вот только не могла понять, чего именно. И от этого было страшно, если можно так выразиться...

Она посмотрела на здание аэропорта и бросила странный взгляд, в котором читались страх, отчаяние, надежда, смирение, на сопровождавшего её японца, но быстро его отвела обратно. Первым делом было желание смешаться с толпой, но она подавила его в себе и вошла в аэропорт. Регистрация на рейс была ещё открыта, у стойки почти никого не было, и она, достав билеты и паспорт, посмотрела на мужчину.

- Спасибо вам, мистер Мотидзуки. Спасибо за всё, - тихо прошептала она.

Тору Мотидзуки

Время – странная штука. Когда ты чего-то ждешь, кажется, словно оно может тянуться бесконечно. Но стоит тебе только захотеть прочувствовать каждое мгновение своей жизни, как оно начинает лететь, словно сумасшедшее, оставляя тебе лишь бесплодные попытки вырвать из его «лап» хотя бы пару лишних секунд...

Как бы Тору ни хотел, чтобы их путешествие длилось как можно дольше, оно стремительно приближалось к своему завершению. Спокойная и наполненная непринужденными разговорами дорога до деревни сменилась тряской в одном автобусе, затем в другом и, наконец, привела к конечной цели – аэропорту. Обычно Мотидзуки ничего не имел против перелетов, но сейчас, появившееся перед глазами здание вызвало у него раздражение, словно оно пыталось забрать у него что-то важное, то, что ему совершенно не хотелось отдавать.

Перед тем, как войти в здание аэропорта Ярецы бросила на него очень странный взгляд. И, в тот момент, когда их глаза на секунду встретились, Тору показалось, словно его полоснули мечом куда-то в область груди. Это ощущение исчезло так же быстро, как и появилось, но после него осталось что-то тянущее и ноющее, будто кто-то задел старую так до конца и не зажившую рану, и та снова напомнила о себе.

Ярецы сделала несколько шагов вперед и пересекла черту, отделяющую обитель отправляющихся в путешествие от мира обычных обывателей, и Тору пока последовал за ней, хотя и понимал, что уже в скором времени ему придется возвращаться обратно.

- Да за что мне спасибо, я же ничего не сделал. – Японец почувствовал злость, поскольку ему действительно казалось, что он так и не сделал нечто важное. – Ты лучше не прощайся так, словно уезжаешь навсегда, а просто возвращайся обратно.

Ему хотелось добавить еще много всего, но слова почему-то застряли в горле, не позволяя себе вырваться наружу. И Тору оставалось передавать лишь взглядом то, что он не мог не только выразить, но и до конца осознать.

Ярецы Фернандез

Я вернусь, я постараюсь вернуться, я очень хочу вернуться.

Эти слова так и не слетели с языка, она просто молча и чуть виновато посмотрела на него. Нельзя быть такой скромной, от этого одни только неприятности. Она должна измениться, ей нужно стать такой же, как и все нормальные люди. Только

вот как определяется этот критерий нормальности? Что делают нормальные люди и как они себя ведут? Что же, у нее будет какое-то время, чтобы подумать над тем, что и как нужно делать, чтобы стать нормальным человеком.

Она вздохнула, снова посмотрела на него, и отступила на шаг. Страх, который отступил в автобусе, снова заволок ее сознание. Что-то будто бы говорило "не садись в самолет, лучше отмени эту поездку". Что-то случится? Самолет разобьется? Нет, это абсурд. Они, конечно, терпят бедствие, но ведь уже всеми учеными и видными деятелями доказано, что самолет - самый безопасный транспорт. Значит, не в нем дело.

Страшно, очень страшно. Она хотела попытаться что-то понять, но у нее не возникало никаких видений, снов, связанных с будущими событиями, ничего такого, что можно истолковать с применением Прорицаний. Он был странный, этот страх. Может, это она просто так сильно реагировала?

- Я... я сейчас зарегистрируюсь на рейс, вы подождете меня? - Спросил ее язык, и она резко отвернулась от него и быстрым шагом направилась к стойке регистрации. Там уже стоял пассажир, и она встала в очередь, открыла паспорт и стала его изучать, чтобы не смотреть на мужчину. Хоть бы он не ушел, хоть бы остался еще на некоторое время. Так хотелось с ним еще поговорить, жаль, что нельзя проститься у трапа на самолет. Как в старых добрых фильмах...

Тору Мотидзуки

Девушка снова разнервничалась, что явно отражалось на ее лице, но на этот раз Тору не мог найти в себе силы, чтобы ее успокоить. Он и сам находился в совершенно непонятном эмоциональном состоянии, с которым совершенно не знал, как бороться. И это еще больше приводило в смятение, заставляя японца плюс к своим чувствам и эмоциям заражаться волнением девушки.

На вопрос Ярецы о его готовности подождать ее возвращения Тору даже не успел ответить. Девушка слишком быстро развернулась и направилась к стойке регистрации. А он, естественно, остался стоять на месте. Не для того же японец проделал всю эту дорогу до аэропорта, чтобы сейчас просто отправиться обратно в монастырь. Хотя ради чего, собственно, он вызвался сопровождать юную ученицу, если не брать в расчет лежащее на поверхности желание уберечь ее от возможных неприятностей, Мотидзуки сказать не мог. С Ярецы вообще было связано немало вопросов, на которые он не мог дать себе ответа и, с ее отъездом, он окончательно терял возможность его найти.

Тору умел ждать. Вся его жизнь, в каком-то смысле, состояла из постоянных ожиданий одного или другого. Но это, еще только начавшееся ожидание, давалось ему тяжелее, чем все те годы, которые он потратил, обитая недалеко от монастыря, но, так и не решаясь пересечь линию его ворот.

Яреци Фернандез

Стоящий перед ней человек наконец получил свой билет и покинул стойку регистрации, уступая девушке место. Она как-то обреченно вздохнула и неуверенно, словно чего-то боясь, протянула свой паспорт девушке-регистратору. Та посмотрела

на нее и стала вбивать данные в компьютер.

Ожидание тянулось невыносимо долго. Ей казалось, что прошла вечность перед тем, как девушка-регистратор оторвалась от компьютера.

- Вас нет в базе. Вы уверены, что вы сегодня летите? - этот вопрос прозвучал словно гром среди ясного неба и заставил девушку вздрогнуть и побледнеть.

- Да, - а что тут еще можно ответить?

Человек, находящийся по ту сторону регистрационной стойки авиакомпании "Air China" позвонил по телефону. Яреци не особо вслушивалась в разговор, но ей казалось, что ее страхи не были безосновательными. Ее не пустили на рейс? Но как такое возможно? Она ведь покупала билеты, она же прекрасно это помнит.

А может это все ей приснилось? Учитывая проведенные последние несколько дней в настолько интенсивном режиме, ей стало казаться, что она на время потеряла связь с реальностью. Дошло даже до того, что воспаленный мозг решил, что никакого портрета нет, и никакого ожидающего ее мужчины тоже не было. Может быть, она все это время спала?

- Вы совершали еще какую-то бронь? - из не очень приятных раздумий вырвал ее голос девушки-регистратора. Она кивнула. - Вы не отменили ее? Вы знаете, по правилам авиакомпании нельзя делать две брони одновременно.

- И... и что делать? - спросила девушка упавшим и испуганным голосом.

В ответ прозвучало буркнувшее "я не знаю, ждите", и паспорт вернулся хозяйке. Яреци почувствовала, как у нее снова похолодели руки, сердце как будто пропустило удар. Голова закружилась.

- Мы можем вам предложить полететь другим рейсом, - в сознание вторгся голос мужчины, и она увидела, что к девушке, регистрирующей пассажиров на рейс, подошел мужчина. Наверное, главный. Он взял ее паспорт, что-то кому-то сказал по телефону, потом начал переговариваться со своей коллегой. - Или можете подождать, когда закончится регистрация. Подойдете через полчаса сюда. Может быть, кто-то не придет на рейс, и место будет. Ну или позвоните по телефону, уточните информацию.

Голос мужчины нёс в себе нотки пренебрежения, было видно, что с таким они сталкиваются часто, и девушка слабо кивнула и взяла свой паспорт. Отошла от стойки, уступив место следующему потенциальному пассажиру, и осмотрелась. Мистер Мотидзуки никуда не ушел, она его заметила в толпе, хоть он и не сильно из нее выделялся, и Яреци не знала, нужно ли к нему подходить, надо ли рассказывать, что ее не пустили на рейс. Что делать? А вдруг она теперь не сможет улететь? Она не поступит в институт, и все будет напрасно. Это было самым неприятным. Неужели эти ее страхи были вызваны отменой брони?

Она на ватных ногах подошла к мужчине, увидела недалеко от него скамейку, но не было уже никаких сил дойти.

- Меня сняли с самолета. Бронь не действительна. Сказали, что либо купить новый билет, либо подождать - вдруг будет свободное место... я купила билет на завтра, а потом на сегодня. А по правилам так делать нельзя. Но я ж не знала...- пробормотала она. Стало как-то нехорошо, закружилась голова. Она пошатнулась.

Тору Мотидзуки

За происходящим у стойки регистрации Тору наблюдал издали, поэтому не мог понять, что именно там происходит. Но одно было ясно — возникли какие-то накладки. Ярецы слишком долго стояла у стойки, и вокруг нее царил какое-то нездоровое оживление, намекающее на наличие у девушки проблем. Несколько раз японец порывался подойти поближе, чтобы разобраться в ситуации, но каждый раз себя останавливал, не решаясь влезать в чужую жизнь, пока не чувствовал, что без его помощи не разобраться.

Вид девушки, с которым она направилась в его сторону, просигналил Тору о специфике возникшей проблемы еще до того, как Ярецы успела что-то объяснить. Так что немного путанный рассказ юной ученицы Мотидзуки слушал не слишком внимательно, концентрируясь, в большей степени, на ее нездоровой бледности и подозрительно неловких движениях. Поэтому случившееся у нее головокружение японец заметил сразу и отреагировал, как только девушку начало пошатывать.

Тору быстро схватил Ярецы за руку, выравнивая положение ее тела в пространстве, а затем, повинуясь, порыву, притянул к себе и крепко обхватил свободной рукой.

- Ну что ты, глупая, так расстраиваешься. — Японец переместил руки, чтобы ему было удобнее держать девушку в объятиях. - Успокойся, купим мы тебе новый билет, и полетишь, как собиралась.

Тору в очередной раз порадовался своей предусмотрительности, заставившей его взять с собой приличную сумму денег. Он уже и не помнил, когда у него сформировалась привычка, отправляясь в пусть даже самое небольшое путешествие, брать с собой деньги и документы, и сегодня от нее наконец-то появилась реальная польза. Ярецы казалась ему сейчас настолько хрупкой и беззащитной, что вызвала желание сделать хоть что-то, чтобы ей помочь. И покупка билета была меньшим из того, на что он был готов, чтобы крепко прижимаемое тело девушки перестало дрожать и позволило просто стоять вот так, как сейчас, и чувствовать его тепло.

Ярецы Фернандес

Она не особо поняла, как оказалась в его объятиях. Она не знала, как реагировать на это. Первым ее желанием после того, как он обнял ее за талию, был поцелуй. Страстный поцелуй в губы. Такой, о каких пишут в книгах, показывают в фильмах. Хотя она не умела даже целоваться, так что и мечтать об этом нельзя. Поэтому это ее желание осталось просто желанием.

Она заглянула в его глаза, слегка подняв голову, а потом прижалась к его груди и глубоко вздохнула. Это все было странно, страшно, неудобно. Нужно было как-то разобраться с этим. Он ведь может устать и перестать с ней общаться. Потому что

она неправильно поступает. Она боится.

Он предложил ей купить новые билеты, и она, вопреки своему желанию отстраниться от него, еще крепче прижалась к его груди. Она слышала биение его сердца, она старалась дышать в такт с его дыханием, но это было непросто. Но так не хотелось отстраняться от него. Хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно. Почему время нельзя поставить хотя бы на паузу? Не говоря уже о том, чтобы остановить его.

- Я... нет, не надо... мне сказали подойти через полчаса, может место будет свободное... - прошептала она, прикусив губу. Хотелось еще так много сказать, столько всего осталось на губах, и она, подняв голову, сделала то, о чем мечтала с момента их первой встречи. Тогда, у дуба. Она поцеловала его в... щеку.

Поцеловала, а потом опомнилась и резко вырвалась из его объятий. Опустила голову и сглотнула. Черт, он же никогда не простит ее за этот проступок...

Тору Мотидзуки

Ярецы не пыталась отстраниться. Скорее наоборот, она прижималась к нему все сильнее, словно к единственному островку стабильности в окружающей безумной реальности. По крайней мере, так казалось Тору, который хотел стать для нее чем-то подобным, способным уgomонить разбушевавшиеся чувства и подарить пару минут покоя.

Правда, ему самому до спокойствия было очень даже далеко. Странное тянущее чувство в области груди, возникшее в момент их появления около здания аэропорта, стало сильнее и начало причинять реальную боль. Но почему-то Тору не хотел его терять. Мотидзуки страшил привычный холод, который мог прийти на его место и, пока у него была такая возможность, он пытался напиться теплом чужого тела, словно оно могло сохраниться даже после того, как Ярецы исчезнет из его жизни.

Неожиданный поцелуй в щеку и последовавшее за ним разрывание объятий привели Тору в состояние близкое к оцепенению. Он не понимал, что произошло, и как ему на это реагировать. Если разбираться, Ярецы не сделала ничего плохого, даже наоборот, Мотидзуки все еще ощущал тепло ее губ на своей щеке, и это ощущение ему безумно нравилось. Но, с другой стороны, ее поведение было достаточно странным и волнующим, плохо укладывающимся в заранее заготовленное объяснение о европейских традициях и нормах поведения.

Стараясь скрыть свое смущение, Тору сделал то, что посчитал в этой ситуации самым простым – притворился, что ничего не было.

- А если через полчаса свободное место так и не появится? - японец старался, чтобы его голос звучал спокойно, хотя это стоило огромных усилий. – Тогда ты примешь мою помощь?

Ярецы Фернандес

Что-то объявили по громкоговорителю, и это заставило ее слегка вздрогнуть от неожиданности. Она подняла голову и столкнулась с ним взглядом. Он был какой-то странный и рассеянный. Неуверенный. Хотелось прижаться к нему и больше не

разрывать эти объятия. И плевать, что это может со стороны показаться неправильным, каким-то странным, плохим. Ей с ним хорошо, она чувствует его поддержку и уверенность. Его силу.

Она совсем не знала, что ей делать. Если через полчаса действительно не будет свободного места, то ей придется купить билет. У нее не было денег, и билет купить она не сможет. Значит, она не улетит в свою Москву, не поступит в институт и останется здесь навсегда. Здесь - не именно в аэропорту, но в монастыре. Навсегда или нет, но вместе с тем человеком, который похитил ее сердце. Наверное, он сам об этом не знает. А если узнает, то что будет? Что он сделает с ней? Наверное, лучше, чтобы он не узнал об этом.

Она не могла принять его предложение. Почему? Все просто до безобразия - она никогда еще ни у кого не занимала деньги, а если и приходилось занять, то старалась как можно быстрее отдать долг. Сама же в долг давала, правда не все вовремя возвращали. И сейчас она просто не знала, как нужно себя правильно вести в этой ситуации. Наверное, надо будет вернуть долг. Но как это сделать?

Она неопределенно кивнула и только захотела снова прижаться к нему, как ее окликнул человек со стойки регистрации. Мужчина отрицательно мотнул головой и сказал, что ей придется оплачивать всю поездку заново. Она вздохнула и вернулась к сопровождающему ее мужчине. Посмотрела на него и пересказала все, что там было.

- Нужно оплатить всю бронь, выбрать другую авиакомпанию. Это дорого, - она сглотнула. Снова какой-то неприятный холод в груди. Она все-таки прижалась к мужчине и опустила голову. Почему-то не хотелось уезжать. Было больно. Больно прощаться. А их прощание было неизбежным, решался только вопрос времени. - Спасибо, - тихо прошептала она, зарываясь носом в его ямочку под ключицей.

Тору Мотидзуки

Все-таки Ярецы была настоящим чудом в человеческом теле. Милым, наивным и невероятно трогательным. Понять логику ее действий для Тору не представлялось возможным, как и разобраться с творящемся у нее в голове хаосом. То она убегала из его объятий, то сама прижималась к его груди, как к чему-то родному. То отказывалась от его помощи, а то благодарила, хотя от толком ничего еще и не успел для нее сделать. Но, что казалось Тору особенно удивительным, его эти метания ничуть не смущали. Они были частью личности человека, ставшего для него по каким-то совершенно непонятным причинам значимым. И японец научился ценить их также как и все остальное, связанное с Ярецы.

- Не страшно. Я привык выходить из дома так, словно собираюсь сесть на самолет или поезд и отправиться в неизвестном направлении. Так что с твоей бедой мы разберемся. Не лишай же тебя возможности поступить в институт из-за какой-то накладки с билетами.

Тору крепче прижал к себе девушку, лишая ее возможности так же быстро вырваться из его объятий, как в прошлый раз. Несмотря на неоднократное предложение помощи в деле покупки нового билета, он не испытывал особой

радости от того, что сам, в какой-то мере, станет причиной их расставания. Ведь можно было просто промолчать, пожалеть Ярецы и отвезти ее обратно в монастырь, где все бы шло согласно привычному распорядку. Но он прекрасно понимал, что не имеет на это право. Девушка должна была жить согласно принятому решению, а все его эгоистичные желания следовало засунуть куда подальше и довольствоваться неожиданным подарком судьбы – возможностью несколько минут подержать ее в объятиях. Ведь еще буквально час назад он не рассчитывал и на это, да и чего уж там, даже не предполагал, что подобная близость с Ярецы может стать для него чем-то по-настоящему желанным и ценным.

Ярецы Фернандез

- Я... наверное я веду себя как ребенок? - спросила девушка, не глядя на него. Она так и стояла, прижавшись к нему как к кому-то родному. К тому же он прижал ее крепче к себе, и сейчас из этих объятий не хотелось отстраняться.

Она все-таки отстранилась от него, осматриваясь в поиске стойки информации или билетных касс. Она даже не знала, куда ей идти, что говорить, как правильно купить билет. Стало страшно - а вдруг она чего-то испугается там, в Москве, где не будет этого человека, и не сможет решить свои проблемы без чьей-либо помощи. Она ведь никогда не оказывалась в такой ситуации, когда что-то серьезное нужно решать одной, без помощи родителей или друзей. Никогда не было чего-то глобального. Как она будет жить в Москве и не иметь возможности поговорить с мистером Мотидзуки. Она же будет скучать по нему и будет в грустные моменты рассматривать его портрет, который нарисовала всего пару часов назад. Или сколько там прошло времени. Впрочем, это неважно. Это грустно.

- Вам чем-нибудь помочь? - Спросила женщина, сидевшая за стойкой информации, когда Ярецы в нерешительности остановилась около. Мужчина был рядом, и это прибавляло если не какой-то уверенности, что она вообще улетит отсюда, но стабильности. - Мы продаем и билеты, - кивнула она.

- Мне нужен билет до Москвы. На сегодня...

Пока царило молчание, девушка снова прижалась к своему знакомому и посмотрела на его лицо, будто стараясь запомнить каждую морщинку на его лице. Ей даже показалось, что мужчины, изображенные в картинах Боттичелли, да Винчи и остальных художников знаменитой эпохи Возрождения не были такими красивыми, совершенными. Снова не те мысли полезли в голову, и она в очередной раз залилась краской смущения за такие странные мысли. А еще она сделала еще один поступок, о котором, возможно, пожалеет когда будет что-то и как-то соображать. Она прислонила правую ладонь к его щеке.

- Есть билеты на рейс. Он улетает через три часа, в Москве будет завтра в полдень. Вы будете брать? - уставший голос женщины донесся до ее сознания, и она вздрогнула. Так не хотелось уезжать. Хотелось чего угодно, только никогда не расставаться с этим человеком...

- Д-да, - промямлила она скорее себе, чем кому-то. - Я буду сильной, я больше не буду плакать и бояться, - в голосе чувствовалась уверенность. - Я обязательно

вернусь сюда, мистер Мотидзуки, чтобы отдать вам долг... и... увидеть вас...

До отправления навстречу мечте оставалось чуть больше трех часов. А это значит, что пока она может быть рядом с мужчиной. Говорить с ним, что-то узнать.

- Вы любите путешествовать? - Спросила она.

Тору Мотидзуки

- Может быть, но это даже мило, - для себя Тору определился, что уже не считает Ярецы ребенком, но при этом не мог не отметить время от времени проявляющейся в ее поведении детской непосредственности. Которая, впрочем, его уже давно не раздражала.

Ярецы завозила в его объятьях, озаботившись покупкой билета, и он с сожалением ее отпустил, но, на этот раз, отправился следом, как только девушка сдвинулась с места. Билеты в наличии наверняка имелись, так что дело оставалось за малым – закончить со всеми необходимыми формальностями и ждать своего рейса. Правда Ярецы умудрилась и здесь его удивить, снова прижавшись к нему прямо перед местной работницей, чем напомнила ему маленького котенка, ищущего чужого тепла.

Прикосновение руки девушки к щеке неожиданно поменяло характер возникающих ощущений и вызвало жгучее желание ответить ей тем же. Но, в очередной раз, сдержавшись, Тору ограничился тем, что накрыл ее тонкие изящные пальцы своей рукой и легонько их сжал, передавая, что он разделяет готовность девушки поделиться нахлынувшими чувствами.

Женщину у стойки затянувшиеся нежности совсем не вдохновляли, так что Тору пришлось прервать их молчаливый диалог и вернуться к решению насущной проблемы – покупке билета. Эта процедура много времени не отняла, поэтому, как только на руках у Ярецы, наконец, оказался вождеденный билет, он сразу отвел ее в сторону, подальше от недовольных взглядов, бросаемых на них отдельными свидетелями недавней сцены.

- Люблю ли я путешествовать? – Оказавшись в относительно комфортной ситуации, Тору вернулся к заданному ранее вопросу и, учитывая установившуюся сейчас между ним и Ярецы связь, почувствовал острую необходимость ответить на него откровенно. – Я бы сказал, что вся моя жизнь - это одно сплошное путешествие. Наверное, за это я должен благодарить бабушку, подарившую мне имя. Оно означает «путник», и иногда мне кажется, что я обречен всю жизнь блуждать в поисках чего-то, хотя и сам не знаю чего...

Ярецы Фернандез

Когда все формальности с билетами были закончены, она обреченно вздохнула. Может, все это неправильно? Может нужно было запретить ему оплачивать покупку ее билета? Звучит как-то не очень хорошо, эту ситуацию даже сложно представить. Она, мелкая девчонка, запрещает помочь взрослому мужчине осуществить ее мечту. Да, уж точно - кому сказать никто не поверит.

Она посмотрела распечатку билетов, больше внимания отдала цене. Она была высокая, и Яреци не знала, сможет ли к своему возвращению собрать нужную сумму. Но ведь все равно нужно будет отдать долг, даже если он сейчас скажет, что ничего возвращать не надо. Но ведь это неправильно. Нужно всегда отдавать долги. Но не только это вызывало ее повышенное внимание - сам перелет был тяжёлым. Две пересадки - от Лхасы до какого-то города Цаоцзябао, где это и что за город она не слышала раньше, потом длительное ожидание в аэропорту. Потом перелет в Урумчи, тоже новое для нее название, а уже оттуда после длительного ожидания в аэропорту рейс российской авиакомпанией в Москву. И там она будет завтра в девять утра. Почти сутки в пути. Что же, из всего, что могло быть это был самый хороший вариант. И тогда она успеет на экзамен.

Они отошли на безопасное от лишних глаз-ушей расстояние, и она снова прижалась к нему. В этот раз позволила себе выпустить из рук папку и положить ее на оказавшуюся рядом скамеечку, и свободные руки положила ему на плечи. Хотела обвить за шею, но постеснялась. Хотела запустить свои пальцы в его волосы. Хотела поцеловать. А еще хотелось поговорить с ним о путешествиях. Его откровенный рассказ, да, ей показалось, что он был откровенным и личным, давал ей повод хоть как-то перестать думать о скорой разлуке.

- Путник... - эхом проговорила она. - Я надеюсь и верю, что вы найдете что-то важное для себя, и обретете душевный покой... и что путешествия будут вам приносить только радость. - Она замолчала, глядя на него. - Мне всегда говорили, что мое имя переводится как "улиточка". Я правда не замечала, что слишком медлительная, скорее до меня долго что-то доходит... - Она слабо улыбнулась, понимая, что лишние фразы, поступки, действия могут неправильно быть растолкованы им. Поэтому просто замолчала.

Что можно найти важное? Душевное спокойствие, когда каждый новый день приносит только радость, когда не нужно думать о чем-то плохом, когда не будет страшно. Это, по мнению, девушки, было самым важным. Ну не деньги же. И не любовь-морковь. Она вот для себя это важное нашла. Её сердце было занято этим человеком, и она знала, что пока хоть малюсенькая частичка его души будет в ее сознании она не сможет думать ни о ком другом. Может, потом, когда они встретятся, все будет совсем по-другому, но это будет не завтра и не сегодня. А когда-нибудь потом...

Тору Мотидзуки

Сколько бы Тору не пытался гнать от себя неправильные с его точки зрения мысли, они все равно возвращались, а попытки дать всему происходящему какое-нибудь логическое объяснение вдребезги разбивались о реальность. Когда руки Ярецы оказались на его плечах, картина в его голове, состоящая из разрозненных кусочков, начала складываться в единое целое. В чем бы там он не пытался себя убедить, девушка вела себя с ним сейчас не как ученица с наставником, не как друг, а как женщина со своим мужчиной. И, что самое интересное, он не только не пресекал это поведение, но и, в какой-то мере, сам же его и провоцировал.

Все это было абсолютно неправильно, но почему-то Тору уже не мог остановиться и уж тем более заставить девушку вести себя более подобающе ситуации. Он ни на

минуту не забывал об их огромной разнице в возрасте и успокаивал себя тем, что это наваждение пройдет, как только Ярецы зайдет в самолет. Она была еще очень молода, и если ему и удалось вызвать в ней какой-то романтический интерес, то тому наверняка суждено было исчезнуть в ближайшую пару месяцев. *И он тоже все забудет и вернется к своей простой и понятной жизни...* Хотя Тору никогда ничего не забывал, и прекрасно понимал, что его чувства отличаются отвратительной стабильностью.

- Тебе подходит, - заметил Тору, вопреки здравому смыслу снова обвивая талию девушки руками. – Ты тоже любишь сначала любопытно высунуться из своей раковины, а если что тебя смутит или напугает сразу спрятаться обратно.

До обозначенного в билете часа оставалось еще немало времени. И возможность провести его с Ярецы радовала и пугала одновременно. Ему нравилась с ней разговаривать, что-то рассказывать самому и слушать ее милые комментарии. Но при всем при этом он оставался мужчиной, и постоянно льнущее к нему молодое женское тело не могло не вызвать желания позволить себе чуть больше, чем обычные объятия. Так что постепенно затянувшиеся нежности переросли для него во что-то напоминающее медленное поджаривание на открытом огне. Но, несмотря на отсутствие мазохистских наклонностей, Тору так и не мог отказаться от этой моральной и физической пытки.

Ярецы Фернандез

А она ведь никогда не думала, что именно такое сравнение можно провести между ней и этим моллюском. Она всегда считала, что улитка - это только медленное создание, что-то типа слизи, только дорожка, оставленная после нее не такая липкая. А вот все остальное... наверное, мужчина был прав. Она жила в своём мире, где было хорошо и комфортно. И стоило только вылезти из раковины, то сразу начиналась какая-то фигня. Сначала одноклассник, теперь вот этот мужчина, поступление в институт и прочее. А ведь она приехала в этот монастырь только для того, чтобы развить в себе какие-то способности. И больше не для чего. А потом...

Она глубоко вздохнула и опустила голову. Может она неправильно себя ведет с ним? Конечно, разве будет нормальная девчонка вешаться на предмет своих мечтаний? Будет ли просить его проводить ее до аэропорта, оплачивать билет? Приносить кофе? Нет, конечно. Может, он уже догадался о том, что это он предмет ее воздыханий? Что тогда делать? Вопросы, множество вопросов, и на них ответов нет.

Она не хотела от него отстраняться, решив, что пусть будет все так, как идет. Они стоят вместе, потом наступит время прощаться. И она переступит порог таможенного контроля, сядет в самолет, который будет ее отвозить все ближе к мечте. И дальше от него. Наверное, всё это идиотская привязанность. Она пройдет, воспоминания сотрутся из памяти, как будто кто-то нажмет на кнопку "Delete" на клавиатуре. Она вернется, обязательно вернется, чтобы отдать ему долг, но уже не будет такого чувства, будет что-то другое.

И говорить больше ничего не хотелось. Хотелось просто молчать и наслаждаться любым мгновением, проведенным рядом с ним..

Тору Мотидзуки

Можно ли вот так стоять до бесконечности, довольствуясь только той близостью, которую они могли себе позволить? Отвечая себе на этот вопрос, Тору решил, что, наверное, можно, но, к сожалению, не для него. Его обычно скрываемый темперамент, требовал сократить и без того минимальное расстояние между ним и Ярецы еще хоть на пару сантиметров, прижать ее к себе чуть сильнее, ощутить своими пальцами мягкость ее волос и тепло ее кожи...

Тору и сам не понял, как его голова начала склоняться все ниже и ниже, приближаясь к лицу девушки, а правая рука, устроив бунт против приказов сознания, поднялась и позволила пальцам коснуться лба Ярецы и плавно заскользить вниз, очерчивая контур ее аккуратного носа и застывая на губах. В этом положении Тору замер на несколько секунд, следя за малейшими изменениями, отражающимися в серых глазах девушки. Но еще секунда – и пальцы, прочертив по губам, сжались в кулак, а лицо мужчины, приблизившееся к этому моменты на более чем провокационное расстояние, исказившись гримасой, было отведено в сторону.

- Пойдем, присядем на скамейку, - Тору разомкнул кольцо рук и, на этот раз, отстранился первым. Его голос звучал хрипло, выдавая разыгравшуюся внутри бурю. Он проклинал себя за то, что чуть было не поддался наваждению и не сотворил что-то совсем неправильное. Наверное, с этой затянувшейся пыткой стоило заканчивать, пожелав девушке счастливого пути и выбросив из головы и этот аэропорт, и свое неожиданное помешательство. Стоило вернуться к обычной жизни и благодарить всех известных богов за отъезд Ярецы, позволивший ему не чувствовать себя каким-то извращенцем, поддавшимся обаянию слишком молодой для него девушки. Стоило сесть на эту чертову скамейку и просто больше не смотреть в ее сторону, прочерчивая жирную линию между чем, что было до его минутной слабости и после нее. Стоило...

Тору все-таки добрался до скамейки, занял место с краю и прикрыл глаза. После эмоционального всплеска он чувствовал себя уставшим, разбитым и почему-то старым. И это чувство заставляло губы кривиться в горькой усмешке, а ресницы мелко подрагивать, выражая то, в чем он не мог и не хотел признаваться кому-то еще.

Яреци Фернандес

Его пальцы, в отличие от её, были тёплые и не причиняли никакого дискомфорта. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, когда его лицо начало приближаться, она чувствовала страх от надвигающегося действия. Вот-вот будет поцелуй, он её поцелует и узнает, что она целоваться-то так и не научилась. В то время, когда ее одноклассницы тренировались на помидорах, зеркалах, своих руках, оставляя "засосы", она читала книги. Слушала музыку. Гуляла в одиночестве. А потом был Паша, с которым она старалась не целоваться. Ей было хорошо с ним, интересно, она не считала постоянные поцелуи чем-то важным и нужным. Ведь простое участие и поддержка важнее. А может и нет. Может это всего лишь навязчивость, привязанность. Может людям-то и нужны только поцелуи да объятия. И спросить-то не у кого. И вообще.

Но поцелуя так и не было. Она смотрела на него, заглядывала в его такие удивительные карие глаза, в которых читались непонятные чувства. Раньше был холод, гнев. Потом был... наверное, интерес. Несколько часов назад был тоже интерес, смешанный со сном. А вот сейчас, в этот момент было что-то... пугающее? А потом, спустя какое-то мгновение, в глазах мужчины появилось смтение. Его тёплые пальцы остановились на её губах, а потом рука сжалась в кулак, и он от неё отстранился. Она сглотнула и опустила голову, но так и осталась стоять, хотя ноги снова стали как будто ватными. Наверное, он действительно догадался, что она в него втюрилась, и решил, что она слишком мелкая для него. Он сел на скамейку, и она робко подняла на него глаза. Он не смотрел в её сторону, и она сжала руку в кулак. Чёрт, она как всегда всё испортила. Она заигралась в эту любовь. Снова. Опять она наступила на те же самые грабли. Она окунулась в омут страсти, влюблённости, а её чувства никому не нужны.

По телу пронеслась нервная дрожь, на глаза выступили слёзы. Хотелось уйти, поскорее исчезнуть, чтобы он больше не видел её, тогда он забудет о ней. Зачем кому-то помнить о её существовании? Кому она нужна? Паша с тех пор даже не ответил ни на одно её сообщение, когда она поздравляла его с праздниками, мистер Мотидзуки, наверное, вообще быстро её забудет. Она действительно дура, идиотка и психованная истеричка, вбившая в свою голову, что кому-то нужна. Что есть это чувство. Сердце никому не нужно.

Объявление по громкоговорителю о начале регистрации на её рейс вывело её из этого непонятного состояния, заставило вздрогнуть и сглотнуть. Тыльной стороной ладони она стёрла слёзы и, стараясь не смотреть на мужчину, взяла свою папку с рисунками.

- До свидания, мистер Мотидзуки. Я верну вам долг. Будьте счастливы, - сказала она наигранно сухим голосом и ушла.

Сердце разрывалось от боли, наверное, надо было что-то ещё сказать, что-то сделать. Извиниться. Но она всегда извиняется, а сделать... она снова сделает что-то неправильное. И говорить ничего не хотелось, потому что теперь с губ могли слететь эти слова, которые он, скорее всего, уже понял. Эта вся ситуация была лишней. И с самого начала какой-то неправильной. Боль, сильная боль разрывает тело, хочется кричать, потому что молчать уже невыносимо. Но кричать нельзя, кричать можно только где-то в безлюдном месте. Дома.

Ей выдали посадочный талон, на котором был написан номер выхода, и она направилась туда. На таможне было много людей, и она затерялась в толпе. Только пройдя металлоискатели и сняв с ленты свои вещи, она смогла выдохнуть. Больше она не увидится с ним, долг ведь можно переслать по почте. Или другим способом. Но она вернёт деньги за билет, это не обсуждается. Но больше она не позволит себе влюбиться в кого-то. Никогда. Детство закончилось. Сейчас, стоя у окна и глядя на самолёты, она поняла, что её детство закончилось. Она должна стать взрослой, а взрослые никогда ни к кому не привязываются. У взрослых другие приоритеты, другая жизнь. Они любят не сердцем, а чем-то другим. Сердце, чувства, эмоции... всё это осталось в зоне регистрации.

Объявили посадку на борт воздушного судна. Она простояла у окна два часа, но они пролетели как одно мгновение - тяжёлое и жестокое. Она заняла своё место у иллюминатора и прикрыла глаза.

- Будьте счастливы, я хочу только этого, - прошептали её губы в тот момент, когда шасси оторвались от покрытия взлётно-посадочной полосы...
